

Г. П. Данилевский в оценке дореволюционной литературной критики

В статье предлагается обзор критических отзывов об исторических романах Г.П. Данилевского. Особое внимание уделяется происходившей в начале 1860-х гг. полемике между Ф.М. Достоевским и М.Е. Салтыковым-Щедриным по поводу творчества Г.П. Данилевского.

Ключевые слова: исторический роман 19 века, Григорий Петрович Данилевский, Достоевский, Салтыков-Щедрин

Григорий Петрович Данилевский – русский и украинский [15, с. 237] писатель и публицист второй половины XIX века, автор романов из истории России и Украины XVIII–XIX веков, при жизни писателя снискавших признание в России и за рубежом. Наибольшую известность автору принесли такие популярные исторические романы, как «Мирович» (1879), «Княжна Тараканова» (1883) и «Сожженная Москва» (1886).

Полное и всестороннее понимание творчества, литературных и политических позиций Данилевского невозможно без внимательного изучения истории критической борьбы вокруг его романов. О нем писали М.Е. Салтыков-Щедрин и Ф.М. Достоевский, И.С. Тургенев и Н.В. Гоголь, Н.Г. Чернышевский и Н.А. Некрасов. Уже один перечень имен – свидетельство того, что круг проблем, поставленных в произведениях Данилевского, связан с основными событиями русской литературной и исторической жизни второй половины XIX века.

Первый творческий опыт Данилевского остался без внимания критики и широкой публики. Данилевский начал публиковать стихи, украинские сказки и газетные статьи еще студентом. Его ранние произведения были слабыми художественно и не имели идейного наполнения. Данилевский опубликовал поэму «Гвая Ллир» о божестве древней Мексики, печатал малороссийские сказки, подражая Н.В. Гоголю. Ректор Петербургского университета П.А. Плетнев писал в 1848 г. академику Я.К. Гроту по поводу ранних произведений своего студента: «Данилевский для меня странный молодой человек. С виду он отлично порядочный малый. [...] Между тем в его сочинениях подле хорошего встречается такая путаница и мелкоумие, что не разгадаешь, как это выходит из одной и той же головы, организованной добропорядочно» [1, с. 4].

Не менее отрицательное мнение преобладало и о самом писателе. Данилевский на всю жизнь оказался заложником предубеждения, которое сложилось против него в литературных кругах в конце 1840-х – начале 1850-х

годов. В это время начинающий журналист, не разбираясь во всех сложностях литературной борьбы, сотрудничал одновременно с журналами и газетами различных направлений: «Ведомости Санкт-Петербургской полиции», «Звездочка», «Москвитянин», «Библиотека для чтения», «Отечественные записки» и «Современник». Данилевский старался расширить свои литературные связи, посещая петербургские и московские салоны и заводя знакомства с представителями самых противоположных литературных движений [1, с. 6].

Эта беспринципность, проявленная Данилевским в начале творческого пути, отрицательно сказалась на его литературной репутации и на отношении к творчеству писателя «Современника» и «Отечественных записок» [3, с. 184]. Передовая пресса отмечала безыдейность ранних произведений писателя. Даже благожелательно относившийся к Данилевскому П.А. Плетнев писал о нем Я.К. Гроту: «У него чесотка в пальцах: пишет без устали и в прозе, и в стихах. Знакомство литературное ловит повсюду на лету: от Петербурга до Одессы объехал всех литераторов. [...] Впрочем, он добрый малый и не без некоторого дарования» [1, с. 6].

Несмотря на неоднозначность оценки личности и творчества Данилевского, он был лично знаком со многими знаменитыми литераторами Санкт-Петербурга и входил в их тесный круг. В «Литературных и житейских воспоминаниях» И.С. Тургенев дал следующую презрительно-ироническую зарисовку молодого Данилевского, который, по мнению писателя, ворвался на чтение «Ревизора» непрошеным гостем: «Гоголь еще не успел прочесть половину первого акта, как вдруг дверь шумно растворилась и, торопливо улыбаясь и кивая головою, промчался через всю комнату один еще очень молодой, но уже необыкновенно назойливый литератор – и, не сказав никому ни слова, поспешил занять место в углу» [14, с. 63]. Тургенев был не прав. Позже Данилевский писал В.П. Гаевскому: Гоголь «приглашал третьего дня меня, Тургенева и некоторых актеров на вечер и читал нам своего “Ревизора”, а потом, когда все ушли, прочел со мною новую, здесь написанную мною “Запорожскую думу” (в рифмах), поправлял ее сам и до трех часов ночи говорил со мною о литературе и о многом, многом» [14, с. 57].

Начиная со второй половины 50-х годов Данилевский перестает публиковать произведения под своей фамилией. Не желая иметь ничего общего с Данилевским – писателем конца 1840-х – начала 1850-х годов, он работает под псевдонимами «Орест Халявский» и «А. Скавронский» [10, с. 55]. Произведения, написанные в этот период, получают наибольшую популярность у читателей и наибольшее количество отзывов у критики.

В 1853 г. типографией И. Фишона в г. Санкт-Петербурге был впервые опубликован сборник «Слобожане». В рассказах, которые он объединял, изображалась жизнь мелкопоместных украинских дворян, трудовые будни и празднества крепостных крестьян Слободской Украины, их обряды, обычаи, переходившие от поколения к поколению.

Публика хорошо приняла повести из малороссийского быта и старины, собранные в книгу «Слобожане». Сборник имел успех, и весь тираж разошелся в течение двух недель. Однако критика встретила произведение отрицательно: в статье, опубликованной в 1854 году в журнале «Отечественные записки», отмечалось, что «глядя на “Слобожан”, как на сочинение нраво-описательное, мы находим в нем очень немного нового после малороссийских рассказов Гоголя, Основьяненко и Гребенки. Как произведение, написанное с художественной целью, оно еще меньше может удовлетворить читателя. Некоторые страницы читаются с удовольствием, потому что в них заметна и наблюдательность, и смелость рисовки, и, наконец, чувство; но, к сожалению, страницы эти то и дело чередуются с другими, написанными без такта и знания меры» [11, с. 61].

Известна и уничижительная рецензия на «Слобожан» И.С. Тургенева. Отзыв писателя составил всего одно предложение: «Гладкая, белая, превосходно сатинированная бумага, на которой напечатаны “Слобожане” г-на Данилевского, как нельзя лучше соответствует той претензии, которую исполнены все его рассказы, взятые вместе и порознь» [13, с. 523].

Более высокую оценку критиков получило «Село Сорокопановка»: злободневность рассказа, острота поднятых вопросов не оставили равнодушными Н.А. Некрасова и редакцию «Современника». 22 ноября 1862 г., упоминая о себе в третьем лице, Данилевский писал А.В. Дружинину: «Посещение, в качестве депутата, разных дворянских захолустьев и уму непостижимейших пустыnek, навело его на мысль рассказа “Село Сорокопановка”. Он его послал при письме без подписи Некрасову. [...] Оказалось, что рассказ показался Некрасову схожим, верным, что от него повеяло свежим степным воздухом. [М.Л.] Михайлов приветствовал его также. Петербургские друзья автора не хотели верить, что А. Скавронский – он!» [9, с. 173].

Неоднозначность мнений критиков в отношении произведений Данилевского во многом можно объяснить сложной общественно-политической ситуацией как в предреформенной России, так и в России, пережившей реформу 1861 г., а затем и волну прокатившихся по стране крестьянских восстаний. Именно на данный период приходится пик творческой активности Данилевского, и публицист становится жертвой политических и идеологических разногласий.

В связи с этим кажется не случайным совпадение имени одной из жертв царского произвола – А. Скавронского – с псевдонимом, который, по признанию Данилевского, был подсказан А.И. Герценом [16, с. 56]. Данилевский начал тесно сотрудничать с Герценом еще до их личной встречи. С 1855 г. А.И. Герцен и Н.П. Огарёв начали издавать литературный и общественно-политический альманах «Полярная звезда», в котором Герцен предлагал свободно высказываться «всем свободолюбивым русским», чьи мысли не могут быть опубликованы в России. Представители различных течений публиковали свои материалы в одном из самых знаменитых революционных из-

даний прошлого века: не только крайним революционерам, но и весьма умеренным либералам было трудно, часто невозможно печататься в России, не скрывая своих политических взглядов. Этой возможностью воспользовался и Данилевский. Являясь тайным корреспондентом Герцена с 1861 года, Данилевский информировал писателя о положении крестьян в Харьковской губернии и на Украине вообще. Так, например, доподлинно известно, что статья «Император Александр I и В.Н. Каразин», опубликованная в феврале 1862 г., была написана Герценом по материалам, предоставленным Данилевским [18].

Наряду с сообщениями о положении крестьян на Украине, Данилевский мог посоветовать Герцену на свою судьбу «добровольного изгнанника» и рассказать о неприязненном отношении к нему со стороны «Современника». Герцен, не раз вступавший в полемику с редакцией «Современника» по тактическим вопросам, мог посоветовать Данилевскому напечатать свои рассказы в недружелюбном журнале под псевдонимом «А. Скавронский».

Тайна псевдонима была раскрыта менее чем через год. Уже при подготовке октябрьского выпуска журнала за 1859 г. Некрасов в записке к Добролюбову пишет: «Поправьте глупого вралю Данилевского» [9, с. 174]. В это время в «Современнике» готовился к печати рассказ Данилевского «Пенсильванцы и Каролинцы». Таким образом, несмотря на обман Данилевского, Некрасов не отказал ему в сотрудничестве в «Современнике», но надежды писателя опубликовать в журнале роман «Беглые в Новороссии» не оправдались. Решительное слово в редакции «Современника» принадлежало сначала Чернышевскому, а после его ареста Салтыкову-Щедрину. Оба писателя недолго любили Данилевского и выступали с резкой критикой его произведений. В конце 1860 г. Данилевский согласился на предложение Достоевского сотрудничать в журнале «Время». В первой половине 1861 г. Данилевский отправил в редакцию журнала «Беглых в Новороссии». В письме к А.П. Милюкову от 2 июля 1861 г. он писал: «Я хочу этой повестью ответить на предложение Достоевского так, как бы ответил родным братьям по душе и симпатиям. Я старался в этой строго и честно задуманной вещи вылить всю мою душу!» [9, с. 175].

Ярким примером такого предвзятого отношения, усугубленного попыткой Данилевского скрыть себя от редакции «Современника» под псевдонимом с целью сотрудничества с журналом, явилась заметка М.Е. Салтыкова-Щедрина – памфлетно-сатирический отклик к напечатанному в 12-й книжке «Времени» за 1862 г. письму Данилевского. В своем письме под названием «Литературная подпись» в редакцию «Времени» Данилевский, известный под псевдонимом «А. Скавронский», извещал читателей, что он не имеет никакого отношения к печатающемуся в Москве Н. Скавронскому (псевдоним А.С. Ушакова). В редакционном примечании к письму были подробно перечислены произведения Данилевского (А. Скавронского) с указанием, где и когда они были напечатаны.

В неподписанной заметке-рецензии на «Литературную подпись» Салтыков-Щедрин высмеял хлестаковский поступок Данилевского и отверг всякое значение его творчества, ставя писателя в один ряд с такими третьестепенными литераторами, как Николаенко, Вахновская и др. [10, с. 56]. Обращаясь непосредственно к А. Скавронскому, Салтыков-Щедрин замечает: «Вы напрасно тщитесь перечислять, какие именно ваши произведения помещались в “Современнике” и во “Времени”. Вы думаете, что это достаточная для вас рекомендация; в таком случае, спешим вас разуверить. Журнальное дело в России – плохое и трудное дело: журналов много, а деятелей мало – вот почему журналы иногда помещают повести и рассказы вроде повестей и рассказов А. Скавронского. Читатели отлично знают это и снисходят, лишь бы напечатанное не слишком воротило человеческое сердце» [7, с. 334]. Салтыков-Щедрин также обвинил писателя в отсутствии «сильного воображения», «острой памяти, которая предостерегала бы автора от противоречий» и «умения распорядиться с материалом таким образом, чтобы фабула казалась сколько-нибудь правдоподобною. Воображение г. Данилевского не отличается ни силой полета, ни разнообразием и колоритностью картин» [8, с. 257].

Кроме того, Салтыков-Щедрин сделал веский упрек редакции «Времени» в поощрении хлестаковщины. Представленная сатириком интрига А. и Н. Скавронских задела и лично Ф.М. Достоевского, так как в ней заключался пародийный намек на сюжетную коллизию «Двойника» [4, с. 535].

Эта заметка явилась поводом к острой и длительной полемике между М.Е. Салтыковым-Щедриным, ведущим публицистом «Современника», и Ф.М. Достоевским, фактическим редактором и идейным вдохновителем журналов «почвеннического» направления «Время» и «Эпоха». Причиной же вражды послужила напечатанная в той же январско-февральской книжке «Современника» за 1863 г. заглавная статья начатого Салтыковым-Щедриным публицистического цикла «Наша общественная жизнь», где в связи с польскими событиями говорилось о появлении духа «политической благонамеренности» в русском обществе и наносился косвенный удар по общественно-политической позиции «почвенников» [11, с. 334]. Дурная репутация Данилевского в пятидесятые годы в столичном литературном мире, а также сокрытие им от прежней редакции «Современника» в лице Чернышевского и Добролюбова своей фамилии под псевдонимом «А. Скавронский» давала хороший повод обрушиться на скомпрометированного писателя, «литературного вестовщика» без четких идейных позиций.

Отказывая А. Скавронскому в литературном даровании, рецензент тем самым давал понять, что в журнале «Время» печатаются произведения, не имеющие художественной ценности [10, с. 56]. В «Необходимом литературном объяснении...» Достоевский писал по поводу «нападений» на журнал

«Время» в конце 1862 г.: «Иные из этих нападений основаны чисто на конкуренции и имеют в виду одну только подписку» [4, с. 541].

В ответной заметке Достоевского «Молодое перо» содержались резкие выпады против автора рецензии, свидетельствовавшие о принципиальных идейных расхождениях журналов и об остроте их полемики. «Литературную подпись» А. Скавронского Достоевский расценивал как закономерный поступок писателя, дорожающего своим трудом, как факт, не заслуживающий ни большого общественного внимания, ни тем более осуждения. В реакции Салтыкова-Щедрина на этот факт Достоевский видел проявление безыдейности его юмора, своего рода искусство для искусства, с которым еще недавно на страницах «Современника» вели борьбу Н.Г. Чернышевский и Н.А. Добролюбов [4, с. 537].

Вместе с тем в ответе Салтыкову-Щедрину Достоевский выразил свое отношение к творчеству Данилевского. Он со всей определенностью заявил, что верит в талант Данилевского, и отметил популярность произведений романиста, их читательский успех: «...г-н А. Скавронский имеет известность. Г-н А. Скавронский с талантом, уж это как хотите-с. Жаль вот, что я не читал его “Бедных в Малороссии”, о которых вы упоминаете в вашей блестящей рецензии. Но я зато читал его “Беглых в Новороссии” и знаю наверно, что роман этот имел очень большой круг читателей и приобрел писателю значительную известность» [4, с. 313]. Полемический ответ Достоевского явился наиболее авторитетной и развернутой положительной характеристикой творчества Данилевского начала 1860-х годов.

Главным содержанием повестей и романов Данилевского, написанных в начале 60-х годов, стала борьба за проведение крестьянской реформы в украинском селе. Тема потребности в преобразованиях является одной из ведущих в творчестве писателя.

При этом в своих произведениях Данилевский не просто констатировал факты, а предлагал практические меры по преобразованию быта крестьян: «...изменение откупной системы, строительство железной дороги от Харькова к Феодосии и к Москве, которая должна была улучшить благосостояние крестьян южных губерний. Занимая либеральные позиции в вопросе крестьянской реформы, Данилевский вскоре становится ее активным проводником на Украине» [9, с. 171]. Писатель осознавал необходимость кардинальных изменений в стране – отмены крепостного права и улучшения условий жизни крестьян – и, хотя и не одобрял, но принимал их последствия как неотвратимые.

Именно поэтому Данилевский пишет такие яркие произведения как «Беглые в Новороссии» и «Воля» («Беглые воротились»), опубликованные в 1862 и 1863 гг. в журнале Достоевских «Время». Эти антикрепостнические романы принесли Данилевскому настоящий успех и являлись предметом жарких дискуссий во времена их публикации.

С резкой критикой романов «Беглые в Новоросии» и «Воля» выступил Салтыков-Щедрин, отметив, что в данных романах читатель не увидит «ни характеров, ни своеобразного языка, ни действительной драмы», а просто вступит «в какой-то темный лабиринт, в котором событие нагромождается на событие. И [...] даже эта чисто внешняя работа ведется автором крайне неискусно и неаккуратно» [7, с. 409].

Салтыков-Щедрин критикует Данилевского и за неправдоподобие описываемых событий. Особенно ядовито осуждена в рецензии фальшь в изображении Данилевским крестьянского бунта – «сюжета серьезного» для именитого писателя [7, с. 408].

Не один Салтыков-Щедрин отмечал искажение Данилевским исторической реальности в своих произведениях. Например, Н.Г. Чернышевский в своей статье, опубликованной в 1856 г. в журнале «Современник», следующим образом характеризовал исследовательские способности Данилевского: «Мы помним только, что когда-то г. Данилевский поместил в “Московских ведомостях” подробное описание Яновщины, хутора Гоголя, и что потом в “Отечественных записках” было доказано, что в этом рассказе единственным достоверным известием должно считать уверение г. Данилевского, что какой-то чумак, встретившийся ему на дороге, пел песню:

Ой, у кума пчолы булы...

а все остальное – сплетение недосмотров, обмолвок и анахронизмов. После этого нам кажется, что и новым рассказам г. Данилевского может верить только желающий» [16, с. 431].

Возможно, такое нелюбимое впечатление о творчестве Данилевского сложилось из-за личности самого писателя. Современникам Данилевский запомнился как чрезвычайно общительный человек. Он любил порадовать собеседника «какой-нибудь свежайшей литературной новостью, а когда новостей не случалось, мог без труда приврать» [17, с. 11]. Не случайно С.Н. Шубинский, историк, журналист, основатель и редактор журналов «Древняя и Новая Россия», «Исторический вестник», уверял, что если не всякому слуху следует верить, то тому, что говорит Данилевский, не следует верить никогда. Н.А. Некрасов пошел еще дальше, написав в 1863 г. в «Свистке», сатирическом приложении к журналу «Современник», следующие строки:

Я не охотник до Невского –
Бродит там разный народ,
Встретишь как раз Данилевского –
Что-нибудь тотчас соврет...
Где-нибудь выдашь за верное –
Скажут, и сам ты такой.
Дело однажды прескверное
Было такое со мной.

Друзья Данилевского, занимавшие высокое положение в обществе, тоже «его поругивали и относились к нему как-то несерьезно. Никто не верил в его исторические познания, даже в серьезность его творческих литературных задач, а некоторые так просто определяли: “Гришка жарит свои романы с кондачка, по поговорке: за вкус не берусь, а горяченько будет”» [6].

Однако оценка произведений Данилевского как не соответствующих действительности является не совсем справедливой. Целью писателя было не только развлечь читателей, но и познакомить их с захватывающими фактами исторических событий.

Особенно ярко это намерение проявляется с конца 70-х годов, когда интерес Данилевского к тематике, освещающей современность, сильно ослабел и он обратился к историческим сюжетам. Интересовали Данилевского яркие личности, загадочные судьбы и резкие переломы истории. Например, загадочная судьба обольстительной авантюристки, выдавшей себя за дочь Елизаветы Петровны, история ее пленения Алексеем Орловым, доставившим самозванку в Россию, вызвала к жизни роман «Княжна Тараканова». Правдивой является и страшная история царя Ивана VI, поведенная писателем в рассказе «Мирович». Официально ставший правителем огромного государства в младенчестве, совсем скоро Иван Антонович был заточен в тюрьму, где провел всю жизнь.

Точность событий, описанных в исторических романах Данилевского, не вызывает сомнений. Данилевский с серьезностью специалиста-исследователя изучал события по историческим документам и рассказам очевидцев, посещал многие из описываемых в произведениях мест. Роман «Мирович», например, предваряли особые исследовательские статьи: «По какой причине император Иван Антонович перемещен из Холмогор в Шлиссельбург», «Секретная комиссия в Холмогорах», «Исторические данные о Василии Мировиче».

Исторические романы Данилевского, разумеется, не были лишены авторского домысла, но вольности художника не только не подавляли исторической действительности, но способствовали воскрешению прошлого. Используя в большинстве своем в качестве главных героев своих произведений людей, реально существовавших, но малоизвестных, Данилевский имел возможность дорисовать их портрет так, чтобы читатель мог с точностью представить себе описываемого персонажа. Как справедливо отмечается в «Некрологе», опубликованном в журнале «Исторический вестник» в 1891 г.: «Быть может ни у кого из наших исторических романистов нет столько исторической правды, иногда новых фактов, им самим добытых, как например, в лучшем романе “Мирович”, и счастливых догадок. Поэтому исторические произведения Г.П. Данилевского приобретают особое значение: в них выдающийся талант беллетриста сливается с добросовестностью историка» [2, с. 303].

Положительную оценку критиков и наибольший интерес у читателей вызвал роман «Мирович» (1880). В критической статье П.П. Сокальского дана следующая характеристика романа: «Не помним, чтобы какой-либо другой исторический роман производил на нас более глубокое, подавляющее впечатление, чем “Мирович”. От него трудно оторваться, пока не кончишь» [12, с. 10]. Автор статьи предлагал объяснение популярности романа: «Без сомнения, одна из главных причин тому – чрезвычайно интересная эпоха (конец царствования Елизаветы, воцарение Петра III и затем Екатерины II), множество крупных исторических фигур и романтическая, полная трагизма, история принца Иоанна брауншвейгского. Можно думать, что и за границей оно встретит большой успех, не только как роман, но и как яркая историческая картина, полная колорита, из эпохи прошлого столетия» [12, с. 11].

Действительно, уже в 1880 году «Мирович» был переведен на немецкий язык в Лейпциге, на французский язык в Париже и на чешский язык в Праге. В том же году профессор Александр Ходзько, польский поэт и востоковед, читал о нем лекции в Париже, в *College de France* [12, с. 11].

Но не только роман «Мирович» пользовался популярностью у иностранной аудитории и благосклонностью зарубежной критики. Около ста переводов разных сочинений Данилевского, попавших на рубеже XIX–XX столетий на книжный рынок Европы, снискали ему славу русского Фенимора Купера и, наряду с произведениями Тургенева, Толстого и Достоевского, являлись для иностранцев «учебниками» о жизни в далекой и неизвестной России.

Английская критика горячо приветствовала «Княжну Тараканову». Русские исторические романы не появлялись в английском переводе уже почти полвека: в 1849 г. вышел в свет перевод романа «Басурман» (Heretic) И.И. Лажечникова. Роман Данилевского получил одобрительный отзыв от «знатока русской жизни» В.Р. Морфиля. «Княжна Тараканова» напомнила критику романы Энсворта «Лондонские Тоуэр», «Виндзорский замок». «Это интересный, полный драматизма рассказ, основанный на историческом факте. Героиня его принадлежит к загадочным лицам, вроде «Железной маски» или Людовика XVII, бежавшего из Тампля. Её царское происхождение трудно доказать. Орлов изображен автором уж чересчур в непривлекательном виде, но характеристика Шешковского, историка Герарда Мюллера и английского банкира Сутерланда – вполне верны» [19, с. 566].

Известный польский романист Ю.И. Крашевский заметил: «Данилевский для меня не имеет артистической законченности и прелести Тургенева, но его талант иного рода и никак не меньшей силы» [5, с. 156]. В то же время С. Левин, вслед за автором отзыва, опубликованного в немецком журнале “*Illustrierte Zeitung*” (от 28.01.1888 г., № 2326), охарактеризовал Данилевского «как исторического романиста [...], непосредственно стоящего за гениальным творцом “Войны и мира”» [5, с. 166].

Таким образом, несмотря на большую популярность произведений Данилевского у читателей-современников как в России, так и за рубежом, творческий путь писателя был нелегок. Прогрессивная российская критика в большинстве своем давала отрицательную оценку творчеству Данилевского, называя его не более чем «занимательным рассказчиком». Иностранная критика была более благосклонна к писателю. Однако и в России, и за границей многие произведения Данилевского были обделены вниманием критиков. В данном случае можно только согласиться с П.П. Сокальским: причина отсутствия интереса к произведениям Данилевского лежит в особом свойстве его таланта. «Он не тенденциозен; герои его не протестуют и не колот глаза и сами по себе не составляют противоречия с разумом века. [...] И если его люди и герои не спорят ни с веком, ни с существующим порядком, то понятно, что не из-за чего зажигаться спорам» [12, с. 14]. Но, несмотря на в целом невысокую оценку художественного дарования Данилевского критиками, его произведения неизменно привлекали читателей. Данилевскому не всегда удавались характеры действующих лиц, описания местности, природы, но неизменная интрига повествования держала читателей в напряжении.

Примечания

1. Виленская Э. Г.П. Данилевский и его романы из жизни беглых [вступ. ст.] // Данилевский Г.П. Беглые в Новороссии. Воля. М., 1956. С. 3–18.
2. Григорий Петрович Данилевский. (Некролог) // Исторический вестник. 1891. № 1. С. 299–304.
3. Данилевский Г.П. Письма Г.П. Данилевского П.А. Плетневу, И.С. и С.Т. Аксановым: [1852 – 1854 гг.] / публ. Е.В. Свиясова // Русская литература. 1979. № 4. С. 184–190.
4. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 11. Публицистика 1860-х годов. Л.: Наука, 1993. С. 313–541.
5. Левин С. Григорий Петрович Данилевский // Исторический вестник. 1890. № 4. С. 154–170.
6. Опочинин Е.Н. Александр Петрович Милуков и его вторники [Электронный ресурс]. URL: http://dugward.ru/library/zolot/opochinin_milukov.html
7. Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений: в 20 т. Т. 5. Критика и публицистика. 1856–1864. М.: Худож. лит., 1966. С. 334–409.
8. Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений: в 20 т. Т. 9. Критика и публицистика. 1868–1883. М.: Худож. лит., 1970. С. 257.
9. Свиясов Е. Г.П. Данилевский в литературной полемике начала 1860-х годов // Русская литература. 1981. № 4. С. 170–180.
10. Свиясов Е. История одного псевдонима: [К изучению литературного наследия Г.П. Данилевского] // В мире книг. 1983. № 11. С. 55–56.
11. Слобожане. Малороссийские рассказы Григория Данилевского // Отечественные записки. 1854. № 92. С. 61–62.
12. Сокальский П.П. Миревич. Исторический роман в 3-х частях Г.П. Данилевского // Русская мысль. 1880. № 11. С. 10–14.
13. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 4. Повести и рассказы. Статьи и рецензии. 1844–1854 / 2-е изд., испр. и доп. М.: Наука, 1980. С. 523.

14. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 11. Литературные и житейские воспоминания. Биографические очерки и некрологи / 2-е изд., испр. и доп. М.: Наука, 1983. С. 63.
15. Українська радянська енциклопедія /Бажан М. (за ред.) Т. 3. Київ: Поліграфкнига, 1979. 610 с.
16. Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений: в 15 т. Т. 3. Библиография / М.: Гослитиздат, 1947. С. 56–431.
17. Шерих Д. Улица Марата и окрестности. М., 2012. 370 с.
18. Эйдельман Н.Я. Тайные корреспонденты «Полярной звезды». М.: Мысль, 1966. 73 с.
19. Заграничные исторические новости // Исторический вестник. 1892. Т. 48. С. 562–569.

Л. А. Мишина (г. Москва)
Российский социальный университет

© Л. А. Мишина, 2016

Апостол Павел в религиозной картине мира XVII века (на материале русской и зарубежной литературы)

В статье исследуется место апостола Павла, его деяний и Посланий в русской и американской литературе XVII в. Анализируются «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное» и произведения американских авторов Д. Уинтропа, У. Брэдфорда, У. Хаббарда, Д. Митчелла, К. Мэзера. Выявлены общие черты и различия, продиктованные особенностями истории, культуры, менталитета.

Ключевые слова: старообрядчество, пуританизм, апостол Павел, пилигримы, «богова реальность»

XVII век исследователи обоснованно называют веком веры [12, р. 74]. В европейской и – позднее – американской истории это последствия религиозных войн, вызванных рождением в 1517 г. третьей ветви христианства, протестантизма, в России – старообрядческое движение. Американский пуританизм и русское старообрядчество обнаруживают множество точек соприкосновения: это осознание своего особого предназначения, приоритетное положение личной веры, бедность обряда, граничащая с фанатизмом странность. Сходны и судьбы этих двух крупнейших в истории христианства движений – их участники были гонимы и перенесли много страданий.

Пуританизм и старообрядчество получили полноценное отражение в национальных литературах. Американскую и русскую литературу XVII в. объединяет не только религиозная направленность, но и жанровая структура. Американская словесность этого периода представлена художественно-документальными жанрами дневника, письма, проповеди, описания, трактата, эссе, духовной биографии. Основной пласт русской литературы XVII в.